

Роман Неумоев

Рок в Сибири

Книга вторая. Повстанческая армия
имени Чака Берри

Роман Неумоев

**Рок в Сибири. Книга
вторая. Повстанческая
армия имени Чака Берри**

«Издательские решения»

Неумоев Р.

Рок в Сибири. Книга вторая. Повстанческая армия имени Чака Берри / Р. Неумоев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747122-4

Перед вами своего рода книга-разоблачение. Автор описывает историю возникновения в Сибири так называемой сибирской волны русского рока без романтического ореола. Герои сибирской рок-музыки показаны и предстают перед читателями такими, какими они виделись автору, какими он их знал. При этом автор далёк от претензий на объективность. Всё написанное автором в этой книге есть сугубо личное прочтение истории сибирского рок-движения конца 80-х — начала 90-х годов XX века.

ISBN 978-5-44-747122-4

© Неумоев Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Настоящее рок-н-рольное безобразиe	7
Глава 2. Эффект был велик	9
Глава 3. КГБ-РОК, РОК-КГБ...	11
Глава 4. Тебя посодют! А ты не воруй!..	13
Глава 5. Скверная жизнь	15
Глава 6. КГБвдейка	19
Глава 7. Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью	25
Глава 8. Воскрешение из мертвых	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рок в Сибири
Книга вторая. Повстанческая
армия имени Чака Берри
Роман Владимирович Неумоев

© Роман Владимирович Неумоев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВТОРАЯ

КНИГА

Летов, Янка, Неумоев, Немиров и другие...

Глава 1. Настоящее рок-н-рольное безобразие

Так, что же тогда, 12 апреля 1986 года произошло в актовом зале физического корпуса Тюменского Госуниверситета?

Произошло вот что. Произошел форменный обман студенческой комсомолки и лиц ответственных за культмассовую работу университета. Ибо под прикрытием обещанного театрализованного представления, смысл которого, если верить Немировскому сценарию, сводился к разоблачению пороков американского шоу-бизнеса, эта самая американская культура, с ее пресловутым рок-н-ролом, как раз не разоблачалась, а наоборот, пропагандировалась во всей ее буржуазной красе и разрушительной привлекательности. Именно этот, «разрушительный», «революционный», по сути, освобождающий животные, древние инстинкты запад и дух был явлен перед изумленными взорами секретаря комсомольской организации и прочих ответственных товарищей.

В этом, так называемом театрализованном представлении, главными сценаристами, Гузелью Салаватовой и Мирославом Немировым всем членам клуба любителей музыки были отведены свои роли. Мне было предложено играть роль, олицетворявшую этот самый, пресловутый американский шоу-бизнес или капитал. На меня была водружена шляпа-котелок, каковые носили представители делового мира в Англии, Штатах, Европе, веке этак в XIX. Но этот символ капиталиста в шляпе-цилиндре оказался поразительно живуч, хотя никто на Западе никаких подобных головных уборов не носит уже лет, этак, сто. И наблюдать людей в подобных шляпах можно, разве что в немом кино. Для пушей убедительности, для совсем уж тупых, мне на грудь была повешена табличка: «1 000 000 денег».

Делать мне, собственно говоря, ничего не надо было. По сценарию Немирова «Гузели», я, как, видимо, неспособный, по их мнению, и каким-бы то ни было осмысленным действиям, должен был сидеть в левой части сцены, чуть в глубине и олицетворять собой зримое присутствие крупного капитала.

В общем-то, если разобраться, все это действие не должно было выйти за рамки и превысить художественный уровень комсомольской агит-бригады, собравшейся очередной раз посмеяться над правами западных барышников, в том смысле, что они там на Западе, все сплошь торгаши продажные и из любого талантливом парня норвят сделать орудие для своей наживы.

Я там, так, собственно и сидел, и, несмотря на простоту и малозначительность своей роли, по сложности не превосходившей роли огородного чучела, сильно волновался, полагая, что в настоящем спектакле маленьких ролей не бывает, а бывают никудышные актеры. Мне никак не хотелось оказаться никудышним. Видимо в силу этого своего старания, я плохо помню, что там делали другие и смысл всего происшедшего на этом шоу для меня дошел горздо позднее.

В самый разгар этого театрализованного представления, по задумке сценаристов, на сцене должен был появиться рок-бенд, состоящий из той самой «молодой поросли» рок-клубовцев о которой рассказывалось в одноименной главе первой части этой книги. Состав этого рок-бенда стал в дальнейшем классическим для тех, кто и по сей день воспринимает группу «Инструкция по Выживанию» исключительно в таком, первоначальном ее виде.

Основу этого музыкального коллектива составили Игорь Жевтун, Аркадий Кузнецов и Евгений «Джек» Кузнецов.

И так, в определенный сценарием момент, на сцене возник данный музыкальный коллектив, в котором, Женя Кузнецов (он же «Джек») сел за барабаны, Аркадий Кузнецов взял в руки бас-гитару, для усиления музыкальной части данного коллектива был привлечён мало кому известный лидер-гитарист Герман Безруков, а ритм-гитара и вокал, как и центральная роль всего этого действия, оказались в руках несравненного Игоря Жевтуна, которому сценаристами

было присвоено сценическое имя Игги Джефтоуна. Вот, собственно, вокруг этого бедного талантливого парня все события данного спектакля и происходили. Именно ему отводилась роль главного героя. Именно он должен был появиться в лучах прожектора в кульминационный момент спектакля. И он появился! И появление это было более чем эффектным и абсолютно незабываемым, потому что вместе с ним, на сцене и в зале появился некто громадный, и сияющий, некий соблазнитель и развратитель молоденьких девушек, кумир и звезда, поражающий людские сердца неистовым пламенем музыкальной страсти и преводящий толпы людей в экстаз: «Его Величество Рок-н-ролл»!

Уже гораздо позднее, Немиров, сделавшийся учителем и производственником, этой новой молодежной религии, адептом некой рок-философии, стремящийся превратить рок-н-ролл в образ жизни и теоретическую программу социальной деятельности, описывал факт появления этого господина следующим образом.

– А знаете ли вы, – обращался он к нам, – чем отличается эротика от порнографии? Очень даже просто различить! Вот когда, на снимке или изображении фигурируют какие угодно голые, обнаженные тела, но отсутствует стоящий торчком мужской половой орган, то все это есть «эротика». А вот, как только, этот мужской половой орган, появляется в своей боевой стойке, то тут сразу, «бац! Порнуха!».

Вот тут, в зале как раз и произошло нечто подобное.

Он появился! Этот самый орган. Нахально торчащий! Оскорбительно напряженный! Откровенно вызывающий и манящий запретным, губительным сладострастием. Неся с собой все то, чем веками пугают человечество ревнители морали и нравственности, и чего сами же, в тайне жаждут.

О извечные «инженеры человеческих душ»! Добропорядочные ханжи, пушкинские «богомольные дуры», цензоры и инквизиторы всех времен и народов. В миг сей, все вы были оскорблены и благородные усилия ваши преданы поруганию! Над вашей памятью вновь посмеялись молодые, распоясавшиеся хулиганы.

На этом моменте, происходившее действие приобрело совершенно другой характер и направление. Комсомольская идилия исчезла. Растаяла как дым, вся агит-бригадная атмосфера, и со сцены попер завораживающий и взвинчивающий человеческую психику музыкальный напор.

По рок-н-рольной терминологии это называется словом «Драйв». Это что-то вроде авиационного форсажа. И это изменило атмосферу в зале и восприятие публики сразу, решительно и бесповоротно. Началось именно то, что и обозначено в названии данной главы. Настоящее рок-н-рольное безобразие!

Описывать, в деталях все происходившее в зале, я, честно говоря, смысла не вижу. В рок-литературе можно встретить большое количество подробных описаний настоящих рок-концертов, имевших место в 70-е, 80-е, 90-е годы XX века и на Западе, и в нашей стране. Можно при желании отыскать восторженные описания участников таких, запоминающихся мероприятий, побывавших на первых концертах отечественных рок-групп вроде, «Санкт-Петербурга», «Мифов», «Машины времени», «Аквариума», «Гражданской обороны» и прочих.

Скорее всего, все эти описания, ежели сравнить, будут в чем-то схожи в силу схожести атмосферы на них царившей, а в чем состоит причина и механизм возникновения этой атмосферы, я, как мне кажется, уже довольно подробно описал.

Интересным представляется не то, что именно исполнялось музыкантами новоявленной тюменской группы, и как именно исполнялось. Этого я, скорее всего, даже и не помню. Да к тому же, аппарат, развернутый своим фронтальным звуком в зал, ко мне располагался задом. Интересным представляется сам эффект, произведенный всем этим на собравшуюся публику и последствия происшедшего в этот памятный вечер. Об этом, впрочем, придется рассказать уже в следующей главе.

Глава 2. Эффект был велик

Это был эффект внезапно рванувшей лимонки. Товарищей «комсомольских начальников», их старшие товарищи, коммунисты, предупреждали, что рок-н-ролл – это буржуазная зараза, заброшенная к нам с Запада, И призвана она свести с ума нашу советскую молодежь. Вот они и смогли, наконец-то, убедиться, что ТАК ОНО И ЕСТЬ! Советская студенческая молодежь, собравшаяся в зале, «сходила с ума» прямо у них на глазах, причем, в очень короткое время.

Как только публика почувствовала на себе «звериную энергию» рок-н-рольного бита, она, практически мгновенно, превратилась из «представителей советской молодежи», в обычных людей, пришедших на рок-концерт. Позабыв о нормах социалистической морали, они стала вести себя так же, как и во всем мире, ведут себя люди на подобных мероприятиях. Публика начала весело прыгать у сцены, давать выход своей внутренней энергии, танцевальной агрессии. Начала, что называется «балдеть», «отрываться», «оттягиваться» и прочее такое.

Как было выяснено и констатировано наблюдательными комсомольскими активистами, имели место «всяческие безобразия» и «выходки», порочащие звание «советского студента». Выяснилось, что на мероприятии часть публики оказалась пьяна. Каким образом «она оказалась пьяна», понять было трудно, ибо до начала музыкальной части, все, вроде бы, были трезвые. А как только в зале погас свет, для того, чтобы выделить музыкантов на сцене и заиграла группа, то под шумок и под покровом темноты, некоторые, несознательные студенты, р-р-раз, и резко нажрались, невесть откуда взявшимся у них вином. Так только остается предполагать.

Одним из вопиющих, был признан факт, что оказавшаяся на концерте студентка, дочь известного тюменского писателя Зота Тоболкина, под воздействием выпитого ею алкоголя и охренев от ударившего ей по мозгам рок-н-рольного «драйва», вдруг сняла штаны и принялась мочиться прямо на пол, посреди зала. Этим она опозорила не только себя, но и имя своего именитого родителя. Таким образом, как бы само собой получалось, что, как только начинается это самая рок-музыка, так люди, считавшиеся до этого обычными, нормальными студентами и студентками, начинают вытворять такое, о чем им самим потом и вспоминать стыдно. Прямо сюжет из романа Булгакова «Мастер и Маргарита», да и только. Разумеется, учитывая безупречную репутацию выше означенной студентки и ее сугубо пролетарское происхождение, товарищам комсомольцам очень бы хотелось представить дело так, что бедная девушка вовсе и не виновата. А виноват, опять таки, этот проклятый РОК, а пуще всего, разумеется господ-сценаристы, организаторы всего этого безобразия.

Что же из всего этого получилось? Получилось то, о чем мы с Костей Пахомовым и предупреждали. Немиров с Гузелью, воодушевленные восторженной агитацией Юрки Шаповалова, его призывами к действию, добились своего. Клуб любителей музыки перестал быть частным явлением на 5-м этаже университетской общаги. Он приобрел статус «явления» на общегородском уровне. Факт его существования перестал быть внутренним делом профкома ТГУ, и даже комитета комсомола. Деятельностью клуба всерьез заинтересовалось тюменское КГБ. Прозвучал вопрос о деятельности клуба на уровне городского и областного партийного руководства. Партийное же начальство, думается мне, не столько беспокоил вопрос о самом клубе, сколько участие в нем отпрысков из семей Шаповалова и Жевтуна, отцы которых, как уже говорилось выше, занимали видные посты в городском руководстве.

На описываемом мероприятии, как оказалось, присутствовал куратор по Тюменскому Университету от Конторы Глубокого Бурения, некто тов. Креков. Означенный товарищ имел возможность лично наблюдать происходящее и, разумеется, наутро подробно доложил по начальству, что, мол, факты о безобразном явлении «Рок-музыкального Монстра» в ТГУ пол-

ностью подтверждаются. Имеет место «некая организация», устраивающая в Университете такие акции, что можно говорить всерьез об угрозе чуждого, империалистического вторжения, могущего нанести вред духовному и нравственному состоянию большей части студентов. Соблазн, короче говоря. Волки пробрались в Альма-матер и режут невинных овец!

Соответствующие санкции руководства Тюменского УКГБ были, видимо, даны и закрылась машина оперативно-следственных мероприятий. Ну, ликвидировать всяческие «организации», наших доблестных «чекистов» учить не надо! Будь то «имажинисты», «уклонисты», «монархисты», «баптисты» или «пятидесятники». Будь то, просто диссиденты, какие-нибудь – это нашим доблестным «чекистам», не все ли равно. Они за свою историю их столько «переликвидировали», что у нас с вами и воображения не хватит, чтобы перечислить всех пытавшихся «организоваться на неформальном уровне» и подвергшихся за это ликвидации. За годы существования этой славной организации (ЧК-НКВД-ГПУ-КГБ), названия у нее менялись, это верно. Задача оставалась неизменной. Все, что возникает на светлом теле строящегося коммунистической партией социалистического общества, без ее (т. е. КПСС) ведома и разрешения, считать «нарывами» и «фурункулами», и беспощадно вырезать! Ну, если конечно, не удастся, так сказать, «уврачевать». То есть, уговорить, заставить покаяться.

Таким образом, над нами, ничего еще не ведавшими, был занесен хирургический скальпель (можно его называть также «дамокловым мечом», если хотите) одной из самых могущественных в этом мире организаций. Начался период взаимодействия клуба любителей музыки с Комитетом Госбезопасности. Взаимодействия, которое, сами понимаете, ничего хорошего нам не сулило. Абсолютно, ничего хорошего! И в этом нам с вами, дорогой читатель, вскоре придется убедиться.

Глава 3. КГБ-РОК, РОК-КГБ...

Ну, что, милостивые государи, хочется вам узнать, как работали (да и ныне, уверен, работают) наши доблестные органы госбезопасности, получая санкцию на ликвидацию какой бы то ни было общественной организации, партии, и, вообще любой организованной группы людей?

Читайте, и мотайте на ус, нынешние НБПшники, РНЕшники, «скины», и прочие борцы за свободу имеют свое мировоззрение, идеалы и тому подобное. Ибо и по отношению к вам, наши отечественные органы безопасности будут действовать по тем же схемам, прибегая к тем же методам, что и их предшественники. И принципиальной разницы, в способах ликвидации вашей партии, группировки, и, скажем, какого-нибудь, мелкобуржуазного литературно-поэтического кружка в 30-х годах, не существует. Сильны, ох сильны, традиции и приемственность поколений в силовых структурах и спецслужбах всего мира. А наши спецслужбы, разве исключение? Ни в коем случае! Правда уровень и стиль работы, в последнее время, неуклонно снижаются. И степень подготовленности и образованности нынешнего «среднего» ФСБшника, сопоставим теперь с МВДшником 70—80-х. Но принципы, методы, схемы! О, они все те же, уверяю вас!

Не думайте, впрочем, что я собираюсь раскрыть какие-то государственные секреты и нанести нашим спецслужбам непоправимый ущерб. Упаси меня Бог! Да я и не знаю этих секретов. Мне их никто не сообщал. Я могу лишь раскрыть вам ту схему, по которой тюменский региональный филиал «Комитета» принялся за нас. Схема эта гениальна и проста, хотя бы потому, что взята непосредственно из природы. И именно, в силу своей простоты и гениальности, она применялась, и будет применяться впредь.

Схема эта представляет собой СПИРАЛЬ. Ну наподобие спирали галактики. Как она применялась «комитетом» на практике? А вот как. Занимаясь раскрытием, изобличением и сбором обвинительных материалов, группа следователей «комитета», движется как бы, «по спирали». То есть, от периферии, спиралеобразно приближаясь к центру. А в центре кто? В центре, разумеется, зачинщики, главари, организаторы. В нашем, конкретном случае, это я, Шапа и Немиров.

Те мои читатели, кто думает, что Комитет Госбезопасности, СССР, равно как и ФСБ Российской Федерации это спецслужба, занимающаяся, в первую очередь, разведкой, контрразведкой, засылкой шпионов и диверсантов, и поимкой оных, засланных к нам из-за рубежа, несколько ошибаются. Есть, конечно, и такой аспект их деятельности, и совсем немаловажный. Но в первую очередь, процентов на 70, это, все-таки органы следствия и дознания. В «романтической» части работы этой организации принимает участие гораздо меньшее количество людей. Основная масса работников «комитета» всегда занималась и занимается работой довольно скучной и рутинной. Нет, разумеется, наши спецслужбы осуществляют спецоперации на территории своей страны и за рубежом и иногда кого-нибудь убивают и что-нибудь взрывают, но это редко. Это, в особых случаях, когда травильные методы оказываются неприменимы. Гораздо чаще они выступают в своем обычном амплуа. Собирают и готовят следственные материалы для передачи в органы прокуратуры и в суд. Вы этого не знаете? Ну не беда. Я ведь то же этого не знал. Это теперь я такой умный. А тогда... Я ведь как рассуждал. Мы ведь не шпионы, не диверсанты и не предатели своей Родины.

Так чего же нам бояться? Не шпионы, и не диверсанты, это верно. А бояться, все-таки, было чего. И статья 190 «прим.», каковой в нынешнем УК не существует, в то время была, и про нас эта статья тоже была писана.

Словно горькая ирония звучат для меня стихи неизвестного для меня тогда русского поэта Ивана Савина, как своеобразный намек:

Ты не думай, все запишется,
Не простится, ты не жди.
Все неслышное услышится,
Пряча тайное колышется
Сердце – ладанка в груди.

(из стихотворения Ивана Савина)

И так, в то время, когда все члены клуба пребывали под впечатлением произведенного эффекта и фурора, следственная машина тюменского УКГБ заработала, протянула к нам свои невидимые щупальца, ее мельничные жернова, медленно набирая обороты завращались, собираясь нас либо измочалить, либо вообще перемолоть на муку. Это уже как получится.

Они начали, как я уже говорил, по спирали, методично и не спеша. Сначала для бесед и составления объяснительных стали «приглашать» людей, которые, вообще, казалось бы, к клубу никакого отношения не имели. Тех, кто был у них «на крючке», кто попался на «фарцовке» или чем-то относительно «невинном», но все же противозаконном, и кто хоть раз соприкасался с членами клуба на почве приятельских отношений. Потом, изучая круг причастных к клубу лиц, стали вызывать, или просто «брать» на улице, тех, кто хоть раз, два или несколько, бывал на мероприятиях клуба и мог сообщить что-либо более существенное. Отвертеться, соврать, что они ничего знать не знают, те уже не могли, поскольку кое-какой материал у следователей уже имелся. Потом, выяснив «ху из ху», стали «брать в оборот» рядовых, но постоянных членов клуба. Причем, брали уже прямо из Университета, в перерывах между лекциями, останавливали на лестничной площадке или в коридоре, сажали в черную «Волгу» и увозили для «беседы» в Управление КГБ.

Так что, когда дело дошло до основных действующих лиц, на столе у следователя уже лежала солидная пачка «объяснительных» и показаний по данному делу. Мы, то бишь, отцы-основатели, начали понимать, что и наш черед неминуемо должен наступить.

Все это происходило, повторяю, без спешки, методично и по указанной схеме и продолжалось почти год. За это время, пока работала следственная группа «комитета», от многих из нас университетские власти постарались избавиться, отчислив за «академическую неуспеваемость». Для этого, некоторым, особо доверенным и послушным преподавателям было дано указание «валить» нас на сессии, любой ценой. Как «валили» других, я расскажу позже. Меня лично «завалил» преподаватель по астрономии, заставив сделать двадцать одну попытку сдать зачет, и взяв измором.

После зимней сессии я был отчислен с 5-го курса физфака по решению ученого совета ТГУ. Причина – один несданный зачет. Вот так, четко и методично! Но это были еще цветочки. А впереди маячили ягодки. И вот, ведь что мне до сих пор странно. Многим членам клуба все это даже нравилось. Ну, действительно, как игра какая-то: «гляди, подвозят, гляди, сажают...» Романтика! А ведь, расследование-то было настоящим и кое для кого дело могло кончиться тюрьмой.

Глава 4. Тебя посадят! А ты не воруй!..

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Прошло более года, прежде чем следователи «комитета» добрались до организаторов университетских рок-н-рольных беспорядков.

Большинство из главных действующих лиц уже перестали быть студентами и превратились в молодых людей, без определенных занятий. Естественно, трудно сразу сориентироваться, когда выбранный тобой путь учебы и дальнейшей трудовой деятельности пресекается вмешательством такой, трудно-преодолимой силы, как «государственные органы».

Тюрьма! Как много в этом слове для сердца русского слилось!

Да, да, именно, тюрьмой запахло ранней весной 1986 года для активных членов тюменского клуба любителей музыки. Ибо следствие по делу рок-клуба ТГУ подходило к концу и на допрос в Управление КГБ СССР на улице Водопроводной были, наконец-то, приглашены Юрий Шаповалов и Мирослав Немиров.

Единственным «неприглашенным» оставался я и становилось страшновато. Я начал подозревать, что из меня будут делать «козла отпущения» главаря.

У следственных органов всегда есть перед подозреваемым преимущество. Они решают, когда вызвать, как вызвать, задержать, арестовать, просто остановить на улице и «побеседовать», наконец, могут явиться на дом. Тебе же остается пребывать в ожидании, когда и как решат с тобой поступить. Не удивительно, поэтому желание многих наших сограждан уехать на Запад, где пресловутые «права человека» не просто декларированы конституцией, а гарантированы на деле, в реальной юридической практике.

Еще летом 1985 года был я увлечен моим знакомым по Университету, Димкой Яковлевым, в секцию по каратэ. Странная это была секция. Тренировками руководил некто Слава Ильин. О нем мне было известно, что он КМС по гимнастике, по дзю-до и имеет какой-то дан по каратэ. Слава владел «стилем крысы» и неплохо, кстати сказать. На моих глазах он уделал молодого тренера из зала водонапорной башни, что напротив тюменской областной библиотеки, исповедавшего что-то типа тайландского бокса. Слава очень симпатичный человек. У него очень добрые глаза и мягкая, как бы застенчивая, улыбка. Но секцию он возглавлял несколько необычную. Целью секции была подготовка и воспитание «ракет». Так на сленге зовутся боевики мафии, нижнего ранга. То есть, это молодые люди, которые приезжают, куда надо мафиозным боссам и бьют, кому надо, морду. Мастеров по каратэ или по рукопашному бою, из нас, таким образом, никто делать не собирался. Нас собирались в темпе поднатаскать, научить драться на улице и тех, кто не сбежит, пускать в дело. Посему наш добродушный тренер со второй тренировки начал включать нас в боевые «спаринги» в полный контакт один на один, один против двух и двое на двое. С точки зрения нормальной секции по каратэ – это полное безумие. Так как подготовка у всех разная и для многих дело могло кончиться серьезной травмой. Так оно для меня и закончилось. На пятой или шестой тренировке, во время такого «спаринга» мне повредили ребро. Запомнился такой эпизод. Слава рассказывал, как надо противника уничтожить удушающим приемом и я спросил:

– А как потом оживить»?

– Зачем?, – не понял Слава

– Ну, чтобы не сидеть в тюрьме.

Слава посмотрел на меня, улыбнулся и ничего больше не сказал. Наверное, я начал казаться ему «бесперспективным», в смысле той сверхзадачи его секции, о которой, разумеется, вслух не говорили. Разговор этот оказался пророческим. Через пару месяцев Слава

«придушил» какого-то дзюдоиста у ресторана «Восток», и оживлять не стал. Ему дали 7 лет и отбывать наказание он должен был на зоне строгого режима, в связи с особой опасностью и дерзостью преступления. Так прекратила существование эта «секция по каратэ».

Вот в такой необычной обстановке, ожидал я вызова в КГБ или ареста. Кто их там знает, чего они задумали со мной сотворить.

Глава 5. Скверная жизнь

Было у кубинцев и кубанцев что-либо общее? Было. КГБ! Утверждает «Армянское радио». А было у КГБ СССР и у МВД СССР что-либо общее? Никогда! И даже оскорбительно это предположить. Оскорбительно для обоих ведомств. Тот факт, что оба ведомства находились в одном государстве, и, в принципе, подчинялись одному и тому же правительству, роли не играет.

А почему ж, такое, как вы думаете? Моя версия следующая. Подобную внутреннюю политику, при которой в СССР были созданы несколько мощных силовых ведомств, или организаций (КГБ, ГРУ, МВД, Спецназ ЦК КПСС) советским руководством было решено проводить после истории с Берией. До руководителей советского государства дошло, что наличие в стране одной такой могущественной организации как НКВД, со своими войсками, авиацией, артиллерией и прочим, создает опасность захвата власти. Какая, в сущности, разница, кто будет управлять страной НКВД или Компартия? Да никакой! Сумей тогда НКВД Лаврентия Берии произвести переворот, отправили бы НКВДешники ещё несколько десятков тысяч партийцев на тот свет и стали бы управлять страной. И вот для того, чтобы впредь себя от подобного обезопасить, руководство партии решило расплодить побольше силовых ведомств, и срамливая их между собой, осуществлять старый добрый властной принцип: разделяй и властвуй!

А в то время, неугомонный Мирослав Немиров, которого уже КГБ вызывали, и с которым ничего там страшного не сделали кинул в народные массы новый клич.

– Улицы наши кисти! Площади – наши палитры!

на фото формация ИПВ в Спортсквере г. Тюмень

Раз все мы оказались, в прямом смысле, на улице, то там и следует, в складывающихся условиях, продолжать свою деятельность клубу любителей музыки.

А что это он так осмелел, спрашивается? «Горбатого», почуял! На дворе стоял уже, как никак, не 83-й, а 86-й год. Михаил Сергеевич объявил о начале очередного Великого Процесса. Гласность! Перестройка! Настоящих перемен еще, правда, не ощущалось. Но КГБшники народ информированный, и хотя они точно не знали во что все это выльется, но уже почуяли: «сажать за рок-музыку» это уже не по времени. Кто его знает, за нее, может скоро ордена начнут выдавать?!

Ну, а что нам, действительно? Весна 1986 года подумала, подумала, да и наступила. Ей, весне, КГБ не указ! А в Спортсквере, что в самом центре Тюмени, между двух главных улиц Республики и Ленина, хоть и не в Гайд-парке, но все-таки, весна! Асфальт кое-где уже потеплел и высох от влаги. Небольшие бетонные плиты, которыми выложены площадки перед фонтанами тоже. Фонтаны, правда, почти никогда не работают и являют собой просто бетонные короба с ржавыми трубами и всяким хламом, но все ж таки, фонтаны...

Вообщем нормальный для наших палестин сквер, в котором есть скамейки, на которых можно сидеть и пить вино, и курить сигареты и на теплых плитах можно даже и немного полежать. Примерно так, как это выглядит на фотографии.

Эта манера возлежать наподобие римлян, тоже, разумеется, не просто так придумана. В то время, то бишь во время оно, такое вот лежание уже само по себе было ответом на «репрессии» тюменских властей. Впрочем, как я уже давал понять, настоящих репрессий в тот период уже не было. Была скорее растерянность со стороны властных и силовых ведомств. Перестроечная риторика Михаила Сергеевича заставляла предполагать, что у нас многое должно стать в области гражданских свобод не хуже чем в остальном, свободном мире, а вернее на Западе. А там лежать на асфальте, разумеется, давным-давно можно хоть сутки напролёт. Вообще сборища и тусовки* перенесены в Спортсквер, где на одной из скамеек и вокруг неё проходят теперь собрания клуба любителей музыки. Причём членов клуба, не смотря на «репрессии», и даже, благодаря им, становится всё больше. Вместе с нами теперь тусуются и сочувствующие, и «стукачи», а иногда и штатные сотрудники, те, которые «в штатском». Свобода собраний, равно как и свобода слова гарантированы нам советской конституцией. А свобода, после того как на собрании слово сказано, гарантируется? Это из анекдота, тех лет. Но на самом деле, никакой это был не анекдот, а самая что ни на есть, жизненная реалья.

Я это пишу в 2004 году от Рождества Христова, и в нынешней России, силовые ведомства всё-таки, наконец-то, добрались до власти. Причём добрались безо всяких переворотов, путём демократических выборов. В стране тихо и не спеша устанавливается «погонная» власть и возникает полицейское государство путём всенародного голосования. Силовых структур стало ещё больше. К имевшимся ранее и уже мною перечисленным, добавились многие другие: ОМОН, ОБРОН, РОДОН, МЧС, ещё есть РУБОП и служба охраны Президента. Может есть ещё что-нибудь, мне неизвестное. Так что процесс развития конституционной демократии идет своим чередом и дает обильные плоды. Одновременно с этим происходит усугубление демографической ситуации. Количество «овец» сокращается, а число «пастухов» и «собак» неуклонно растёт. Чем это обернется? Вы не знаете? Я вам, пожалуй что, не скажу чем это всё может закончиться! Скажу только, то, что если вы уже взрослые люди, то и сами должны это понимать.

«Народ», собравшийся вокруг «репрессированных» тюменских рок-клубовцев, восставать ни на кого не собирался. Народу было скучно. Жизнь в городе Тюмени ключём, особо, никогда не была. И само наличие в городе людей, затевающих какие-то не санкционированные мероприятия и не боящиеся даже всемогущего КГБ, вызывали у многих молодых тюменцев интерес.

Правда Юрка Шаповалов, предчувствовавший, что надолго уличного энтузиазма у рок-клубовцев не хватит, сетовал мне:

– Эх, Ромаха, чует моё сердце, кончится скоро наша рок музыкальная эпопея. Немиров уедет в Надым. Ты своим пинг-понгом займёшься (я действительно, от нечего делать стал похаживать в теннисный зал) и зарастёт наше тюменское болото снова травой-муравой.

– Ну ты, Юрок, даёшь, – ответил я ему, – все тебе нипочём. Меня еще в КГБ толком не допрашивали, а ты все о своём, о скукоте бытия. Печорин, ты наш!

А музыкально-поэтические посиделки в Спортсквере, вовсе оказались не скучными. И даже меня вдруг, не с того не с сего, проняло.

Сами понимаете, для нашей замечательной страны, где треть населения, либо сидела, либо и сейчас, сидит, а еще одна треть их (сидящих) охраняет, это была злободневная тема. Да, много чего в этой жизни делается «от нечего делать». Книжки, вот, пишутся, песни, музыка и многое другое. Кто-то на лыжах катается. А коммунисты наши, а вперед их, «большевики», придумали такое общество будущего, при котором вкалывать будут роботы и небольшое количество людей их обслуживающее, а остальные все делать ничего не будут, и от нечего делать начнут создавать всяческие гениальности в различных областях. И так от этого всего двинется вперед прогресс, что трудно себе представить что тогда будет. До каких высот поднимется культура. Но куда роботов мало, и все они больше на станциях детского технического творчества обретаются, ситуёвина совсем другая. Какая? А вот какая. Выступает как-то по тюменскому телевидению главный врач города, и его спрашивают:

– А вот вы, как медик, как оцениваете состояние культуры в нашем городе?

– Понимаете, – отвечает главный врач города, – человек за свою жизнь потребляет, примерно, 120 тысяч тонн полезных веществ. А выделяет при этом, около, 60 тысяч тонн отборного дерьма. О какой культуре при этом можно говорить?

Люди Прекратите Гадить! И красота начнёт потихонечку спасать Мир.

Но тут возникает вопрос: кто гадит и как гадит? Вот ребятам из тюменского КГБ казалось, что гадим мы, рок-клубовцы. Гадим мы, во-первых, им, тем что несмотря на их явное неудовольствие, и не взирая на написанные практически всеми рок-клубовцами объяснительные, и на принесенное таким образом покаяние, и обещание больше подобной «антисоветской деятельностью» не заниматься, мы продолжаем свои «сборища». Только собираемся мы теперь в Спортсквере, где имеем наглость обсуждать свои проблемы, обмениваться новостями, читать стихи, и исполнять собственного сочинения песни. Содержание этих песен, по-прежнему, весьма сомнительно, с точки зрения советской цензуры.

Кстати, те из рок-клубовцев, включая Немирова и Шаповалова, кто написал КГБшникам свои «покаянные» объяснительные, видимо не слышали такого анекдота, в котором содержатся пять заповедей советского интеллектуала:

1. Не думай
2. Если думаешь, не говори.
3. Если говоришь, не пиши.
4. Если думаешь, говоришь и пишешь, не подписывай.
5. Если думаешь, говоришь, пишешь и подписываешь, не удивляйся.

На дворе 2004 год. Вы думаете что-либо изменилось? Интересно, что? В 2001 году ФСБ Российской Федерации предприняло попытку разгрома НБП – молодёжной партии, Эдуарда Лимонова. Несмотря на отсутствие в действиях Лимонова состава преступления и недоказанность всех, выдвинутых против него обвинений, последнему все же пришлось просидеть несколько лет в саратовской тюрьме. Примерно в тоже время самарское ФСБ буквально рагромила Самарский анарх-коммунистический союз (САКС), вполне легальную и (что греха таить) безобидную организацию – рагромила, действуя методами запугивания, внесудебных репрес-

сий и, как полагают некоторые, даже убийств (один из двух лидеров САКС был убит при загадочных обстоятельствах, другой бежал из области и перешёл на нелегальное положение).

Так что, в свете отношений возникающих в России между спецслужбами и неформальными объединениями молодёжи в начале XXI века, то что происходило в 1986 году между тюменским рок-клубом и КГБ представляется «детской игрой в крысу».

Глава 6. КГБвдейка

И вот этот день настал. День которого пришлось ждать почти года. Может, даже, меня и разбудил раздавшийся в квартире телефонный звонок. Я давно подметил, неприятности являются именно в день, когда проспичь слишком долго. Видимо те, кто отвечают за доставку неприятностей, сами спят очень мало (а вернее сказать, совсем не спят), и излюбленное их дело застать тебя утречком, когда ты, как на грех, разоспался. Поэтому, если хочешь, чтобы неприятности тебя посещали пореже, положи себе за правило, вставать пораньше. Как говорится, кто рано встаёт, тому Бог даёт. В смысле даёт что-нибудь хорошее, раз это Бог даёт. Но я по обыкновению своему, проспал и мне было дано совсем другое, в смысле нехорошее. А что хорошего, спрашивается, если тебе утром звонят из КГБ и спрашивают:

– Роман Владимирович! Что же это вы не на рабочем месте? Мы вас там пытались отыскать. А вы дома.

Я спросоня, бормочу что-то невнятное в своё оправдание, мол приболел.

– Но ваша болезнь, надеемся, не помешает вам приехать к нам в управление КГБ на улице Водопроводной, часикам к одиннадцати, – бодро реагируют на том конце провода.

– Да нет, – отвечаю, – не помешает.

– Что ж, договорились. Ждём вас, – и вешают трубку.

Ну что ж делать? Не в бега же ударяться. Во-первых, всё равно найдут. А во-вторых, с какой стати! Не чувствую я за собой никакой вины. Ну, делайте вы со мной что хотите, не чувствую! Тем не менее, на душе, ясное дело, скверно. Однако, как человек культурный и обладающий гражданской ответственностью, собираюсь, чищу зубы и еду.

Я сел в троллейбус №12 у кинотеатра «Юбилейный» и доехал до магазина «Океан». Вышел. Повернул на улицу Первомайскую. Прошёл мимо гостиницы «Заря», перешёл на противоположную сторону к хлебному магазину. Повернул на Водопроводную, пошёл мимо гастронома «Юбилейный». Помните, который раньше был «дежурным» и работал до 22.00. И оказался перед крыльцом дома на стене, рядом со входной дверью которого, красовалась табличка с надписью: «Управление Комитета Государственной Безопасности по Тюменской области». Тут я остановился в последний раз, как бы колеблясь. Ведь торопиться-то не стоило. Кто его знает, может войти-то, войдётся, а выйдешь лет через 10-ть. На двери, согласно сакраментальному анекдоту должна была бы иметь место надпись: «Стучите!» Но таковой не было. Была только кнопка звонка. Я преодолел последние колебания и надавил на эту кнопку.

Сердце будущим живёт
Настоящее уныло
Всё мгновенье, всё пройдёт
Что пройдёт, то будет мимо...

(из романа на стихи А. Пушкина)

Дверь в Управление КГБ открылась и на пороге меня встретил молоденький лейтенант, в военной форме.

– Вы, к кому, гражданин?

– Меня вызывали.

– Ладно, проходите.

Лейтенант провёл меня в кабинет, располагавшийся на первом этаже, сразу же у входа. Что-то вроде кабинета первичного приёма у врача. Обстановка до предела минималистична. Стол и несколько стульев, и больше ничего. Никаких даже портретов на стенах. Тут, в этом кабинете, вы ещё никто, не подозреваемый и не обвиняемый, и даже не свидетель по делу,

а просто – обычный гражданин. Вот когда вас поведут наверх, в настоящие кабинеты, то там будут уже портреты, и там с этих портретов на вас уже испытующе поглядят товарищи Дзержинский и Петерс, а может и товарищ Андропов. А если потом вас поведут, наоборот, ниже первого этажа. То там уже будет и всё остальное, что положено тем, кого туда отводят. Что именно? Ну не будем о грустном. Будем надеяться на лучшее. Я видите ли, пишу обычную книгу, а не сценарий фильма-ужасов про застенки КГБ. Тем более, что в застенках, признаюсь забегая вперед, мне побывать на сей раз не довелось.

на фото лицевая сторона служебного удостоверения КГБ

Через несколько минут, в кабинет первичного приёма вошёл человек с непроницаемым, землисто-коричневым лицом. Это был, как потом выяснилось, сотрудник КГБ по фамилии Кравцов, в чине майора. Этот специфический цвет лица и его строение, как у «старого высушенного чёрта» говорило о его оккультных способностях. Майор Кравцов оказался довольно сильным гипнотизёром. А вы может думаете, что в КГБ у нас ребра ломали, зубы выбивали и иглы под пальцы загоняли. Обижаете! Методики допросов «с пристрастием» были в советском КГБ уж куда совершеннее. А вот нынешнее ФСБ «эрэфии» снова опустились до тривиальных пыток. Падение квалификации, оно знаете ли, происходит быстро, а растёт медленно. Таков уж закон природы. Под горочку легче катиться.

Итак, майор Кравцов, с лицом оккультиста-гипнотизёра сухо меня поприветствовал и повёл наверх, в кабинеты.

Кабинет, куда он меня привёл располагался на третьем этаже здания КГБ. И тут уже всё было как положено: и сейф, и стол полированного дерева и мягкие стулья, и, разумеется, портрет заслуженного «чекиста», взгляд которого говорил: «Тут гражданин, юлить и запирается бесполезно, тут надо всё выкладывать как на духу». С портрета на меня взирало само «Его Величество Государство».

За столом сидел симпатичный, молодой ещё человек, с неестественно для его возраста, практически полностью, седыми волосами на голове. Ага, думаю я, работка у них тут, известно какая. Тут не только поседеешь.

– Меня зовут Александр Александрович Мартышкин, – обаятельно улыбаясь представился молодой седовласый кГБэшник, – собственно я и буду вести ваше дело.

Ага, думаю я, а дело-то у них заведено. Всё как положено. Ну а в конце всякого «дела», в данном учреждении бывает «срок». Значит шутить тут никто не собирается, а собираются данные товарищи оное «дело» мне, как говорится, «шить».

К сожалению, я не в состоянии привести здесь стенограмму допроса. Она, если таковая была, осталась в стенах и в архивах этого учреждения. Да это был, собственно и не допрос. Это был, по существу, фарс, устроенный для меня, то ли с целью меня напугать, то ли проверить на вшивость. На языке работников «комитета» это называется «беседой». Правда эта «беседа» была обставлена именно как допрос. И на мой, вполне законный вопрос, зачем меня сюда, собственно, пригласили, и что мне, собственно, собираются здесь инкриминировать, мгновенно посуρευший товарищ Мартышкин, заявил мне самым официальным тоном:

– Не надо, Роман Владимирович, думать, что с вами собираются тут шутить. Ничуть, не бывало. Мы вам намерены предъявить обвинение по статье 190 «прим», то бишь «распространение в устной или письменной форме сведений, порочащих советский государственный и общественный строй».

– Да, помилуйте, дорогой товарищ Мартышкин, – удивлённо восклицаю я, – где же и когда, я этот строй порочил, устно или письменно?

– Ну, вы Роман Владимирович, разумеется, будете утверждать, что нигде и никогда вы его не порочили. У нас тут все так говорят. А мы будем вам, на фактах доказывать, что именно порочили, и будем освежая вашу память, показывать где и когда.

В кабинете, кроме Александра Александровича, ему, так сказать ассистировали ещё двое. Во-первых, это товарищ Креков, тот самый куратор от КГБ по Тюменскому Университету, который присутствовал год назад, на памятном театрализованном представлении 12 апреля 1985 года. Во-вторых, какой-то ещё один их коллега, с комплекцией оперативника, фамилия и звание которого, для меня остались тайной. И вот все означенные товарищи укоризненно на меня глядят и всем своим видом дают мне понять, что я очень виноват, и вина моя не подлежит никакому сомнению.

Затем товарищ Мартышкин достал из папки с надписью «Дело» толстую пачку показаний и объяснительных, собранных им и его коллегами по данному делу во время таких же вот «бесед» с моими друзьями и соратниками по рок-музыкальной деятельности. И начал он мне аккуратно и планомерно доказывать на примерах из этих показаний, что я, пытаюсь отрицать факты моих высказываний и факты исполнения мною песен, в которых как раз и были «сведения советский строй порочащие», всё время вру и пытаюсь уйти от ответственности. В качестве основного моего прегрешения, мне всё время ставилась в вину песня под названием «Коммунисты – вперёд!» Весь ужас был в том, что песни, как таковой, на самом деле не было, были только её наброски. Более того, кроме какой-нибудь пары фраз, я, из этой песни ничего вспомнить не могу, и тогда не мог.

Фразы же были такие:

«Коммунисты – вперёд!
Это новое время
Коммунисты – вперёд!
Движение вечно...»

(из так, и не написанной песни Р. Неумоева)

Что в этих строчках такого, из чего можно было вывести моё намерение советский строй опорочить, ума не приложу. И я, вот так честно и отвечал, товарищу Мартышкину, что строй я советский не порочил и ничего негативного по отношению к товарищам коммунистам в виду не имел. На это однако, товарищ Мартышкин, реагировал в том смысле, что:

– Э-э, Роман Владимирович, не надо запираться и говорить, что строй не порочили. У нас, вот тут, полным полно показаний ваших товарищей, в которых ваши же товарищи утверждают, что именно вы-то, Роман Владимирович, а никто-то другой, именно и порочили наш советский государственный и общественный строй!

И товарищ Мартышкин постоянно выдёргивал из стопы лежащих перед ним на столе бумаг чьё-нибудь покаянно-раскаянное показание по данному делу и обильно приводил свидетельства моих друзей, в которых они, будто-бы, утверждали, что я, Неумоев Роман, там-то и там-то, и при таких-то обстоятельствах говорил и пел, то-то и то-то. И из всего этого вырисовывалась картина прямо скажем, невесёлая. Тут фигурировали и показания Юрки Шаповалова, и Немирова, и Юры Крылова. И по всему выходило, что никто другой, ни Шаповалов, ни Немиров, ни Крылов, а, я, именно я, и ещё раз я, был главным негодяем и антисоветчиком. И статья 190 «прим», если внимательно приглядеться, у меня «просто на лбу нарисована». Осталось только этим лбом упасть в великом раскаянии на чистый лист бумаги и перенести туда всё, что для этой статьи надобно. А полагается по этой статье, ни много не мало, 10 лет тюрьмы.

Так что по десятке вам, Роман Владимирович, по десятке на душу населения!

И в таком, вот, духе, всё это продолжалось часов около четырёх-пяти.

Здесь позволю себе сделать некое отступление, с целью пояснения, как в те времена расценивались фразы из песен людьми облечёнными властью, ну например, теми же «кгбешниками». Вот что вспоминает по этому поводу лидер питерской группы «Тамбурин», Владимир Леви:

«Игравшаяся нами музыка не несла никакого диссидентства, но всё в то время воспринималось с каким-то подтекстом. Большинство песен, исполнявшихся в Рок-клубе, было наполнено т.н. «социальным звучанием», и даже если его не было, то товарищи цензоры непременно что-нибудь подразумевали. Например, строчка «Пора, пора, я покидаю этот берег» однозначно должна говорить о том, что музыкант хочет свалить из страны. Если пелось «Корабль с названием «Не вернусь» – тоже ясно... А вот строчка «Глухая тетеря на самом верху» вообще вызывала ажиотаж...»

Создание Рок-клуба было обусловлено, с одной стороны, желанием музыкантов иметь некое объединение, благодаря которому они могли бы выступать, а с другой стороны, желанием КГБ весь процесс локализовать, исключить незапланированные, неизвестные концерты...».

(лидер питерской группы «Тамбурин», Владимир Леви)

Так что «легенда» о том, что Питерский рок-клуб был создан с подачи и под патронажем питерского КГБ, это никакая не легенда, а фактейший факт и суровая реальность.

Но получалось, что тюменские коллеги питерских кгбешников, отнюдь не намерены были перенимать опыт и идти по их стопам. А решили изобрести свой, более простой способ решения проблемы рок-музыкального, неформального творчества в городе Тюмени. Зачем чего-то там «локализовывать» и организовывать? Долгая дорога в дюнах всё это. Есть способ более простой и действенный. Раз завелись во введенной нам Тюмени какие-то рок-певцы и рок-творцы, надо им быстренько «пришить» антисоветчину, и если уж не посадить лет на 10-ть, то уж, во всяком случае, напугать так, что бы раз и навсегда отбить у них охоту к сочинительству любых песенок, тем более с подтекстом. Ведь, если им сегодня, «не дать по рукам» и позволить

горланить свои песенки с т.н. «социальным звучанием», в которых они своими подтекстами намекают на несостоятельность и абсурдность нашей родной советской действительности, то завтра они совсем обнаглеют и уже открыто начнут заявлять, что Советская власть – говно!

Это опять-таки, как в анекдоте.

«Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Толстиков должен быть на просмотре нового спектакля, но ему некогда. Он вызывает своего референта по вопросам литературы и говорит ему:

– Посмотри эту пьесу и завтра текст мне на стол.

– Но в ней есть ещё и подтекст.

– И подтекст на стол!»

Так что вы теперь, надеюсь, понимаете, что искали в моих песнях товарищи из тюменского КГБ и в чём они хотели заставить меня сознаться. А чего они мне, вообще, хотели, как вы думаете? Добра они мне хотели! Давали они мне понять: бросай ты, Роман Владимирович, всю эту трихомундию с песенками наполненными «социальным звучанием» и снабжённых подтекстом! Не порти себе жизнь!

За пять часов такой «беседы» я уже был основательно убеждён, что виноват. Правда никак не мог понять, в чём конкретно моя вина состоит. Ещё я уяснил, что большинство моих товарищей в подобном же состоянии со страху наклепали друг на друга, и в частности, на меня всякой небывальщины и напраслины. Ну, понятно, думаю, товарищи мои все люди ещё молодые, в подобной ситуации первый раз оказались, а тут ребята опытные, неплохие психологи, работу свою добре знают. Ладно, думаю. Но там я тогда вдруг твёрдо решил, что от меня они ничего подобного не добьются. Не буду я ни на кого никаких показаний давать. Вот не буду, и всё! Пусть что хотят со мной, то и делают. И я этим ребятам «кгбешникам» так прямо и заявил, что про себя готов им поведать хоть все свои грехи с самого детства, как ещё будучи пацаном хулиганил и мамку не слушал. А вот про других ничего ни говорить, ни тем более, писать, не буду.

Те видя такое дело, как-то пригорюнились, и вроде бы и не знают что со мной дальше делать. И тут в кабинет вошёл тот самый майор, который меня провожал из кабинета первичного приёма наверх, по фамилии Кравцов. Я не зря его облик сравнил с оккультистом-гипнотизёром. При его появлении все мои собеседники сразу приумолкли, и Мартышкин сиганул из-за стола и примкнул к двум своим коллегам. Кравцов по-хозяйски занял место во главе стола. Он имел вид человека, который вовсе не намерен тратить на меня столько времени, как его коллеги, а намерен решить всё сразу, и уверен, что решить всё со мной, это дело минутное. В кабинете возникла какая-то особая, гнетущая атмосфера. Кравцов некоторое время молча глядел на меня спокойным взглядом удава, а потом медленно проговорил:

– Вы сейчас возьмёте ручку и будете писать.

Что-то произошло со временем. Какие-то минуты буквально выпали из моей памяти. Не знаю сколько. Но я вдруг обнаружил себя с ручкой в руке, передо мной лежал листок бумаги и я внутренне был совершенно готов писать всё, что мне скажут. Потом, вдруг, внутри меня раздался какой-то щёлчок, вся моя воля и решимость мгновенно вернулись ко мне. Я бросил ручку на стол и тихо, но твёрдо сказал ни на кого не глядя:

– Я ничего писать не буду. Ни единого слова. Вообще, ничего!

И скрестив руки на груди, стал отрешённо смотреть в одну точку прямо перед собой. Присутствующие кгбешники молчали. Было видно, что они поражены. Тогда раздался голос майора Кравцова. Он стал каким-то трескучим и неприятным, но уже не производил никакого завораживающего действия:

– Роман Владимирович, у вас всё в порядке с психикой? Вы к врачу никогда не обращались?

– С психикой у меня всё в порядке. И к врачам я по этому поводу не обращался, – стараясь казаться спокойным вымолвил я.

– Хорошо, – сказал Кравцов, – тогда запомните, мы с вами ещё встретимся и разговор у нас с вами будет совсем другой. Сейчас мы вас больше не задерживаем. Выпишите ему пропуск.

Он встал и молча вышел из кабинета.

Вниз до дверей на улицу меня проводил Александр Александрович Мартышкин. Я вышел на весеннюю улицу повернул налево, к гастроному «Юбилейный» и пошёл обратным маршрутом, на остановку «Горсад». Когда проходил скверик между улицей Республики и улицей Ленина, меня окликнули. Меня догонял Сан Саныч Мартышкин. Нет, он не гнался специально за мной. Просто был уже конец рабочего дня и он тоже торопился домой. Жили мы, как потом выяснилось по-соседству. Сан Саныч остановил меня и предложил на минутку присесть на скамейку.

– Ну что же это ты, Роман!, – по-доброму, но с лёгкой укоризной сказал мне Сан Саныч, – ну зачем было строить из себя «Орлова» из романа «Мать»?

– Знаете, что, – ответил я ему, – я скажу вам честно, я ничего не имею против нашего государства, ни его компетентных органов. Но ничего про других людей говорить не буду. Я твёрдо знаю, что имею на это право, и более того, не должен ничего про других говорить.

– Ну, ладно, ладно, – примирительно сказал Сан Саныч. И мне показалось, что он хотел меня приободрить. А, возможно, хоть он этого и не сказал, ему всё же было приятно, что я поступил именно так.

Глава 7. Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью

Ну так что же это получалось у господ тюменских кгбешников? Ничего у них не получалось. Не вырисовывалось у них дело о ликвидации вредоносной, антисоветской организации, спрятавшейся за вывеской «Клуба любителей музыки» при Тюменском Госуниверситете. Время шло. Следствие по данному делу не могло продолжаться вечно. А успешное его завершение никак не вытанцовывалось. Вернее сказать, официальное дело, которое можно было бы довести до суда, развалилось прямо на глазах. Как знать, может быть, вот как раз того кирпича, которым могли стать мои показания, им и не хватило. А бывает так, и даже очень часто, что без одного кирпича, если его не удаётся положить в нужное место кладки, всё здание рушится. Вот тут так, быть может, и случилось. Всей правды, впрочем, мы, видимо, уже никогда не узнаем.

агит-плакат времен СССР, прославляющий КГБ

В результате всей этой титанической работы, выяснилось следующее: что Мирослав Маратович Немиров, при всей его «рок-революционной» риторике, довольно талантливый поэт (по оценкам специалистов филологов из того же Университета). К тому же, преподаватели Университета рассматривают его, как способного и перспективного в филологической области, студента. Стихи он пишет, в основном, лирические, о жизни, а больше всего о бабах, да про любовь. За что же его, спрашивается, репрессировать? Может, это наш будущий Маяковский или Есенин? Может его, вообще, поддержать надо, и ему помочь?

Юрий Шаповалов – милый парень, шалопай и гулёна, любимец женщин. И если в составе судейской коллегии окажутся женщины (а они там, обязательно окажутся), то ради одних его мужских достоинств может получиться оправдательный приговор. Короче, не сделаешь из него «антисоветчика», никаким макарком.

Вот Роман Неумоев, с его текстами и подтекстами, вроде бы, идеальная фигура в качестве «матёрого антисоветчика», но тут уж, совсем закавыка получается. Не оставил Роман Неумоев следователям КГБ ни единого автографа. Ни буквы «а», ни буквы «б», ни даже закорючки.

Не с чѐм даже графологическую экспертизу провести. Так что, вот этого-то, наиважнейшего кирпичика и не хватает. А без оногo, вся остальная следственная работа пахнет «халтурой». А в данном случае, халтуры-то, как раз и не должно быть. В деле-то, замешены «высочайшие» фамилии начальственных отпрысков. Тут должно быть всё, как говорится, что бы комар носа не подточил. Иначе, кое чья голова может оказаться в кустах, а вместо «груди в крестах» – пятно на репутации. Короче, беда с этим «клубом», да и только. Что оставалось ребятам из «комитета»? Метод внесудебных репрессий, каковой ими тоже давно и хорошо освоен.

То есть по кgbешной логике получалось, раз оные граждане (которые, по их мнению, виноваты «по-любому») не могут быть «посажены», то должны быть всё равно, наказаны, а то им, наглецам, повадно будет. Вообще, так или иначе, крамольный рок-клуб следует разогнать и на ноль помножить. Ну так, а как? Не зря ж у них в управлении портрет Пушкина висит, который первый написал: «Души, прекрасные порывы!» А что делать? Такова, «се ля ва» и партийная директива.

А рок-клуб тем временем буквально выплеснул свою деятельность на тюменские улицы. Деятельность клуба, который мог теперь не скрываться за расплывчатыми формулировками, типа «курсы кройки и шитья, а мог так прямо и именоваться рок-клубом, перенеслась в самые различные и живописные места города Тюмени. Не только «Спортсквер», но и площадь перед обкомом КПСС, окрестности Тюменского театра кукол, ступени и крыльцо Госуниверситета, и многие прочие уголки сонной Тюмени огласились весѐлыми голосами, драйвовыми гитарными рифами, стихами, криком и ором. В качестве места для дискотеки могла быть выбрана любая улица или переулок в обширном районе исторического центра города. Выглядело это примерно так.

И в этом были у тюменских рокеров великие предшественники. Примерно такие же уличные действия устраивали в 1914 году группы кубо-футуристов, тон в которых задавали Давид Бурлюк, Владимир Маяковский и Василий Каменский. Поведение участников группы было демонстративно вызывающим, рассчитанным на эпатаж. Окружѐнные толпой зевак, они прогуливались по улицам и выступали с намалѐванными на лицах собачками (у Бурлюка), аэропланами (у Каменского). Маяковский дефилировал в желтой кофте—распашонке, его друзья – с петрушкой и морковкой на лацканах пиджаков.

В Киеве они подвесили рояль над сценой. Вечера начинались чаепитием и заканчивались лекцией Владимира Маяковского о футуризме. В ней он, как правило, вступал в разную полемику с публикой и дело завершалось вмешательством полиции и выдворением гастролѐров из города «за нарушение нравственности». Эти зрелищные, шумные, импонировавшие молодѐжи вечера, на которых выкрики Василия Каменского «Сарынь на кичку!» перекликались с дерзкими репликами Маяковского. Подобные выступления никак не походили на благопристойные выступления литературных мэтров перед гурманами, смакующими каждое слово изящной поэзии.

Но если слово «футуризм» перевести как «будущность», то вот оно, это будущее и наступило. И на улицах провинциальной Тюмени загремели забойные руды подзаборного рок-н-рола, и аплодисменты, и выкрики.

Ну, и реакция властей, примерно та же. Раздражение, желание избавиться от подобной, назойливо – шумной публики.

Рок-клуб вместе с примкнувшей к нему «сочувствующей» молодѐжью стал неким центром притяжения и сопротивления, привратился в своего рода, маленькую армию или партизанский отряд. И коли могущественному КГБ не удалось ликвидировать это сообщество, лишив его помещения и технической базы, то убрать рок-клубовцев с улиц города было поручено людям из тюменского митейного клуба, с целью уличения в нарушении социалистической законности и присечения подобной деятельности, был поручен следователю городского УВД по фамилии Классин. Тут, кстати, была, своего рода, интрига. Дело в том, что Классин

был способным, принципиальным и довольно удачливым следователем. Имел свои, независимые от начальства взгляды и видимо особо их не скрывал. Таких, в любой системе не любят. Поэтому тут у тюменских ментовских начальников был своего рода расчёт. Мол, если кибешникам не удалось разогнать этот чёртов рок-клуб, то пусть товарищ Классин попробует.

Глядишь, или всё ж таки, разгонит, или зубы сломает. В любом случае, начальству на руку. В помощь тов. Классину был призван ещё один видный и деятельный мент, тов. Репетов – один из организаторов в Тюмени патриотического общества «Отечество», а в будущем – защитник Белого Дома во время сентябрьского противостояния Президента и Парламента в 1993 году. Этот, скорее всего, вызвался на борьбу с рок-клубом по идейным соображениям, считал своим долгом с подобной «западной заразой» всеми силами бороться.

Теперь мне импонируют эти ребята. Я имею в виду обоих, Классина и Репетова. Это яркие, сильные, надёжные люди. Их трагедия в том, что в реальной социальной системе общества, причём как социалистического так и капиталистического, сила и яркость их личности, их надёжность – это только помеха нормальной карьере. Как справедливо пишет в своей книге «Иди на Голгофу», Александр Зиновьев: «Надёжность нужна лишь в случае образования неофициальных, главным образом, нелегальных групп... Надёжный человек в обществе ненадёжных людей подобен фигуре с острыми углами в массе шариков катящихся по наклонной плоскости. Рано или поздно он выбрасывается из общего потока»

Так что эти люди (Классин и Репетов) борясь против нас и защищая социальную систему советского общества, действовали, противореча самим себе. Нам бы тогда встретиться, да поговорить по душам! Могли бы стать союзниками.

Кстати, раз уж я упомянул Александра Зиновьева и его книгу, приведу ещё одну цитату из этой книги, как нельзя лучше показывающую мой творческий путь, начавшийся во время описываемых уличных акций.

Такая, вот, притча.

«Появился однажды человек с чудным голосом. Он сам об этом сначала не знал. Случайно он спел что-то в компании друзей, и те были потрясены красотой и силой его дарования.

– Ты великий певец! – вскричали они. – Пой!

И он стал петь. Он сам почувствовал свой дар. Но он почувствовал и другое: чтобы сохранить и усилить его, надо его усовершенствовать. Надо трудиться и идти вперёд. Дар обязывает к стремлению и совершенству. Но произошло нечто, поразившее его: чем лучше он пел, тем меньше становилось поклонников, а оставшиеся всё хуже относились к нему.

– Что с тобой?! – возмутились они. – Пой, как раньше. К чему ты мудришь? Ты деградируешь!

А он знал, что он с каждым днём поёт лучше. И уже не мог остановить свой путь к совершенству. Наконец он остался совсем один. Свои лучшие песни он пел в полном одиночестве»...

Вот это написано просто про меня. Тогда на тюменских улицах я ревел свои первые песни как раненный медведь, пел истошно, закатив глаза и напрягая красную от прилива крови шею. Тем кто хочет представить как я тогда пел, надо просто послушать первый, по-настоящему, записанный, и в последствии, выпущенный альбом «Инструкции по Выживанию», названный с подачи Мирослава Немирова «Ночной Бит». Включенная в этот альбом композиция «Восточный бриз» как раз и исполнялась мной на тюменских улицах (в Спортсквере и на ступеньках Госуниверситета), и считалось одним из лучших хитов, гвоздём программы, наряду с боевиком Игоря Жевтуна «Не осталось никого».

Не были безучастными к музыкальному творчеству и другие рок-клубовцы. Во-первых, это, разумеется, несравненный Игги Джефтоум, он же Игорь Жевтун, уже не раз упомянутый мной. Ему за всю эту историю с КГБ родители, конечно, сделали основательное внушение, суть которого, на мой взгляд сводилась к следующему. «Мол, гитару мы у тебя так и быть не отберём, и пластинки с записями зарубежных рок-ансамблей из дома выкинуть не заставим, тем

более, что они не твои, а старшего брата. Но чтобы никаких там песенок социально-политической направленности и в помине больше не было. Попробуй только повредить карьере отца (первый заместитель Председателя горисполкома, и в общем-то, в таблице о рангах, непосредственный начальник над всеми тюменскими ментами, включая генералов УВД)»

Так что в тот период Игорь перешёл на исполнение песен типа «Жил да был чёрный кот, за углом», с тем чтобы не быть выгнанным из дома.

Вот так, примерно должны были бы выглядеть объявления того времени. Впрочем, на самом деле подобные «прокламухи» появились спустя почти год. А тогда мы просто бродили и тусовались всё лето у тюменского обкома КПСС и уже этим демонстрировали, «что имели мы ввиду» все ихние репрессии.

И это наш с тобой рок-н-рольный фронт!

Прокламация.

В ближайшую субботу в «Спортсквере» состоится концерт групп универовского рок-клуба.

Свои новые стихи читает М. Немиров. Участвуют Шапкинд, мистер Дроумч,

Игги Джефтоун и прочие гениальные безумцы.

Всем желающим предоставляется возможность исполнять песни собственного сочинения.

СОЮЗПОДЗЕМРОК

ГЛАВТЮМЕНРОКПРОМ

«АРМИЯ повстанцев имени Чака Берри»

Да, опять эти самые, прокламации. А куда без них? Раз объявлен рок-революционный террор и впереди маячат баррикады, значит всё по законам революционного времени, включая и прокламухи.

Ну и что же дальше? Дальше властям стало ясно, что меры против распоясавшейся «Повстанческой Армии» принимать всё-таки надо. Ибо оные «рокеры» дошли до того, что стали устраивать свои сборища прямо под окнами Тюменского обкома КПСС. Лежать на обкомовских газонах, горланить свои песни и даже играть на тротуарах близ обкомовских окон в футбол! Тут уже возникала прямо угроза материального ущерба. Мяч мог, упаси бог, угодить в обкомовское окно первого этажа. Тут уже возмущение стало возникать не только у секретарей обкома партии, но и рядовых работников партаппарата. Последовал ряд звонков в КГБ и УВД. И на рядовых членов «Повстанческой Армии» посыпались новые репрессии. Нет, ничего особенного. Вполне обычные неприятности, по принципу: вы нам в окна показываете фигу, мы вам тоже, скорчим рожи не хуже, раз другого на данный момент не позволяет «новая политика» Миши Горбачёва, будь не ладен он, и все его присные.

Во время одной из прогулок на площади перед обкомом партии, Женька Федотов, он же Юджин, сорвал с клумбы у памятника Ленину цветок, с тем чтобы преподнести одной из присутствующих дам. К группе рок-клубовцев тот час подошёл, неведь откуда взявшийся милиционер и... задержал Костю Пахомова (!). Тщетно пытался доказать милиционеру Юджин, что цветок сорвал он, а не Костя. Милиционер настойчиво тянул в здание УВД именно Костю. Вот тут и вспомнил Юджин, про Франца Кафку. Юджин к тому времени уже был из Университета отчислен. А Костя Пахомов ещё нет. Так что Юджин мог рвать цветы сколько угодно, задержать и составить протокол всё равно надо было именно на Костю. Протокол этот был составлен и отправлен в Университет. Через несколько дней Пахомов присоединился ко всем нам, уже отчисленным.

А с приближением осени, все видные деятели «Повстанческой Армии» начали получать повестки в военкоматы. Все, кто находился в призывном возрасте: Пахомов, Жевтун, Шаповалов и я.

У нас с Юркой были к тому времени «белые билеты», в которых стоял штамп о снятии с учёта. Поэтому я просто в военкомат не пошёл. А Юрка пошёл. Отец настоял, и он пошёл. Там, в военкомате произошла забавная и трагикомичная сцена. Военком Поливцев, к которому явился Шапа, окинул его при входе мрачным взглядом. Потом сказал:

– Давай военный билет. Посмотрим, что у тебя там.

– Да я не военнообязанный, – заикнулся было Юрка.

– Ладно, ладно, невоеннообязанный! Поливцев взял военный билет, кинул его в ящик стола и гаркнул ошалевшему Юрке:

– Марш на перекомиссию!

Перекомиссия тут же признала Юрия Шаповалова годным к строевой военной службе, по всем статьям.

Франц Кафка снова мрачно подмигнул «повстанцам».

В результате принятых, таким образом, мер, наши ряды вскоре надлежало покинуть Шаповалову, Жевтуну, Пахомову. Немиров имел железную справку из дурдома, что он псих. Со мной военкомовский фокус просто не прошёл. Мне после истории в тюменском КГБ, по моему мнению, вообще терять было нечего. Я занял прочное место в списке неблагонадёжных и состою в нём по сию пору. И из него невозможно быть вычеркнутым в нашем Отечестве по гроб жизни. Это мне майор Кравцов твёрдо пообещал. Ну а я твёрдо это уяснил и запомнил. И на душе, знаете ли, от этого, как-то, спокойно. Всё ж таки любая определённая лучше, чем неизвестность. Это ещё Франц Кафка подметил.

Так или иначе, но наша деятельность переместилась на квартиры. Во-первых, на Шапину, на улице Хохрякова, во-вторых, на мою, на улице Рижской, возле кинотеатра «Космос». (Ныне, благодаря стараниям нашего общего друга Александра Ковязина, превратившегося в «KINOMAX»).

Приближалось лето 1987-го, и двум нашим друзьям Жевтуну и Пахомову надлежало вскоре вернуться из мест прохождения воинской службы. По этому поводу, мы собирались частенько то у Шапы, в его четырехкомнатной горкомовской квартире, то у меня, и ночи напролет гремели гитары и пилось вино. Короче, продолжалось то же самое, что и на 5-м этаже универовской общаги, только с некоторыми «эксклюзивными» обстоятельствами. Весь юмор был в том, что у Юрки Шаповалова ближайшими соседями были следующие весьма уважаемые люди.

Ну, во-первых, сразу под ним (его квартира располагается на четвертом этаже), то есть на третьем этаже, проживал в то время некто Виктор Степанович Черномырдин со своим семейством (!). Это сам по себе уж интересный факт. Но это еще не все. На одной с ним площадке располагалась квартира генерала КГБ Пчелимцева. Оные квартиры соприкасались в районе Шапиной кухни (где мы как раз свои песни и орали) и имели общее вентиляционное отверстие, через которое, генерал КГБ Пчелимцев мог нас слушать безо всяких прослушивающих устройств! Другое дело, что слушать наши пьяные рулады, ему особо не хотелось. На фиг ему это все. Это дело подчиненных. И вот, что еще интересно. За все время этих ночных кухонников, ни от семьи Черномырдина, ни от генерала Пчелимцева не поступало ни единой жалобы Шапиному отцу. А ведь по ночам слышимость прекрасная. И спать мы им частенько мешали. Но в ответ – полнейшее, непроницаемое молчание! Элита! Советская аристократия. У них подобные жалобы не приняты. Так что возвращавшемуся с горкомовской дачи Шапиному отцу никто ни о чем не докладывал. Что уж говорить о рядовых сотрудниках тюменского КГБ!? Что там происходит по ночам в квартире первого секретаря тюменского горкома партии, это уж вовсе не их дело.

Впрочем, однажды произошел эпизод, напомнивший нашему Юрке; советские чекисты, не о чем не забывают и всегда в курсе! А дело было так.

Этот эпизод произошел возможно (сейчас уже трудно соблюсти точную хронологию) уже после возвращения Шапы из армии (о том как им с Жевтуном там служилось рассказ отдельный). Идет как-то летним вечером Юрок по улице Водопроводной в компании Кости Пахомова и кого-то еще, не припомню точно, да и не важно это. Юрка, как обычно слегка пьяненький и настроение у него, будте-нате. И у остальных тоже. И вот, только означенная компания миновала упоминавшийся уже и знаменитый гастроном «Юбилейный» и приблизилась к зданию тюменского КГБ, как начало Юрку что-то такое изнутри распирать и подзуживать. Вроде, как черт какой-то. И от этого подзуживания, и от веселого настроения, приблизившись к оному зданию давай Юрка, ни с того, ни с сего, напевать такую песенку:

«КГБ, КГБ – это радость для нас...»

Неизвестно, что он собирался спеть про это дальше. Об этом история умалчивает. Потому что аккурат в тот же момент, когда Юрка эту веселую фразу пропел, миновав при этом входную дверь в здание КГБ и крыльцо, дверь в оное здание открылась и на крыльце возникла фигура одного, уже знакомого нам кгбешника. Одного из следователей.

– А, Юра!, – приветственно, и в то же время со значительным сарказмом, воскликнул знакомый нам кгбешник; – все поешь?!

Как будто кнутом хлестанули, бедного Юрку. От неожиданности он даже присел и голова его сама собой вжалась в плечи. С лица у Юрки мгновенно спала вся веселость, и мрачная бледность сменила выражение торжества и радости жизни, каковыми еще несколько секунд назад сияло его высокое, благородное чело.

Да, господа чекисты, нагнали вы нашего брата страху и ужасу. Вырастили вы на теле у каждого советского гражданина некую болевую точку, наподобие кнопки, на которую следует только слегка нажать и гражданин готов, и делай с им дальше все, что хочешь.

Уже через несколько минут, миновав страшное здание «тюменской Лубянки», Юрка несколько оправился и расправил плечи, но настроение было непоправимо испорчено.

* * *

И в заключении этой главы, ещё несколько слов о революции. Возможна ли она в России в начале XXI века. Особенно в период такого умного и гибкого «силовика», как Владимир Путин? Это может показаться странным, но она очень вероятна именно сейчас. Более того, я берусь с уверенностью утверждать, что мы накануне новой войны и если уж не революции, то уж во всяком случае, смены власти путём переворота, в результате народного восстания. Почему я так считаю? Вот почему. Уже не раз в истории подтверждалось наблюдение замечательного французского учёного Алексиса де Токвилля. В книге «Старый режим и революция» Токвилль пишет о положении во Франции в царствование Людовика XVI. «Французы считали своё положение тем невыносимее, чем больше оно улучшалось... Отнюдь не всегда к революции приводит переход от плохого положения к худшему. Гораздо чаще народ, который без жалоб, как бы бесчувственно, переносил наиболее угнетающие законы, неожиданно сбрасывает с себя иго именно тогда, когда оно становится легче... Опыт учит, что для плохого правления наиболее опасным является время, когда оно начинает улучшаться. Именно тогда, сколько бы не устранять злоупотреблений, остающиеся представляются тяжёлыми: зло уменьшилось, но чувствительность к нему возросла. Токвилль делает вывод: только гениальный ум может спасти правителя, решившего облегчить положение своих подданных после многих лет гнёта. Гениален ли Владимир Владимирович Путин до такой степени, что бы дойти до конца на пути реформ? Думаю многие согласятся со мной, что ответ на этот вопрос может быть,

скорее всего, отрицательным. Мне приходится это констатировать, несмотря на мои личные симпатии к этому человеку, действительно спасшему нашу страну от полного развала в конце 90-х годов XX века.

Глава 8. Воскрешение из мертвых

Осень 1986 года Тюменский рок-клуб встретил в обстановке организационного разгрома. Существенным результатом проведённых Тюменским КГБ «внесудебных репрессий» был уход в армию Жевтуна, Шаповалова и Пахомова. Жевтун только окончил 25-ую среднюю школу. А Шаповалов и Пахомов являлись на момент осеннего призыва 1986 года отчисленными (бывшими) студентами ТГУ. Зимой 86-го и в начале 1987-го года казалось, что одержанная победа равносильна поражению. Немиров уехал в Надым к матери. Гузель Салаватова подалась в Питер. Рок-н-рольная жизнь в Тюмени, к огромному облегчению для многих ответственных товарищей совершенно, казалось бы, замерла. Все бы оно так, если бы не одно «но». Оставшийся, единственный отец-основатель клуба, Неумоев Роман, перешел на нелегальное положение, «затихорился» в своей квартире, на улице Рижской, и там, в этой квартире, возник тайный информационный центр. Деятельность клуба перешла в область самиздата. Это, кстати, тоже в человеческой истории уже было, и не раз. Наиболее яркая аналогия – история народа израильского. Когда евреи были рассеяны, а Иерусалим – сожжен, перед еврейскими лидерами встал вопрос, как в этих условиях сохранить народ, как общность. В любом случае, для сплочения, нужен «Центр». Этим центром могут быть: царь, правительство, столица. Ничего этого у еврейского народа, на момент возникшего рассеяния уже не было. Поэтому в качестве Центра была избрана Книга. Тора – вот тот центр, вокруг которого решили еврейские лидеры сплотить разбежавшийся по всему миру народ израильский.

Журналы самиздата – вот тот новый центр притяжения, вокруг которого надлежало сохранить рок-клубовских «овец» и не дать рок-н-рольному стаду рассеяться на просторах нашей Родины безвозвратно. Роман Неумоев и Игорь Селиванов – вот два человека, сохранившие зимой 1986 – 1987 года в Тюмени очаг рок-сопротивления. На моей квартире по адресу Тюмень, ул. Рижская, 58 мной и Селивановым, при поддержке фотографа – Вероники Филиппук был создан подпольный центр, где, во-первых, был продолжен выпуск Немировского вестника «Проблемы ортолорингологии». Во-вторых, начали издаваться журналы «Сибирская язва», а затем «Анархия», и, в-третьих, сюда стекалась переписка от сосланных в армейскую ссылку рок-клубовцев. Немиров стал слать сюда свои материалы и руководящие «цу», как Ленин из Разлива.

Отлучение или потерянный рай

Один раз Игорь Владимирович, Юрий Игоревич и Игорь Викторович надрались с помощью пива до отменного состояния. Помыкались они туда-сюда и несолоно хлебавши, решили добираться до Юрия Игоревича. Тут Игорь Викторович, ровно иезуит какой-то, тихой сапой подобрался к Игорю Владимировичу и ну давай вокруг него кобелем танцевать, да ужом виться, в общем, начал ему мозги засирать. А Юрий Игоревич подошел к нему и строго спросил: «Ты чего кобелем пляшешь?» Игорь Викторович растерялся, как дурак какой-нибудь, и замолчал ни с того, ни с сего. «То-то же», – сказал Юрий Игоревич и пошел к себе, насвистывая. А Игорь Викторович подождал, пока он отойдет подальше, и ну давай по-новой. Тут Юрий Игоревич рассвирепел совершенно, вернулся и решил побить Игоря Викторовича. На что Игорь Викторович ответил, что как только Юрий Игоревич его побьет, он тут же отмутузит его еще сильнее. А Юрий Игоревич сказал, что он сильнее Игоря Викторовича оттаскает. А Игорь Викторович сказал, что уж тогда-то он ему спуски не даст. А Юрий Игоревич сказал, что он не потерпит. Игорь Викторович хотел в ответ гордо промолчать, но потом испугался и промолчал просто так.

И тогда Юрий Игоревич обвинил Игоря Викторовича в страшном. Он сказал, что Игорь Викторович был все время двуличным: он перед всеми притворялся очень умным, и никому

не говорил, что он очень глупый, и довольно долго водил всех за нос. После этого Юрий Игоревич пустился во все тяжкие и чуть не сшиб автомобиль, который ехал по городу. А Игорь Викторович пошел ГОГОЛЕМ. Тогда Юрий Игоревич отменно закричал, чтобы Игорь Викторович ВОН, чтобы ВОН, ну то есть до такой степени ВОН... И показал пальцем, куда вон. А проходивший рядом пьяный поп-расстрига ухватил его за кисть, коснулся указательного пальца Юрия Игоревича своим и сказал: «СИЕ ЕСТЬ ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ».

СОЮЗПОДЗЕМРОК

ГЛАВТЮМЕНРОКПРОМ

АРМИЯ повстанцев имени Чака Берри

Социально-музыкальный формейшен ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫЖИВАНИЮ

(приполярный филиал)

626711, Надым, Пионерская, 1—26;

Уренгой, тел. 1—81 (связь УТПС)

Ленинградским, Свердловским, Тюменским, Омским, Новосибирским, Казанским, Рижским,

Московским и прочим рок-организациям.

Стала поступать армейская корреспонденция от Шапы. Обнаружился еще один наш соратник, Артурка Струков, каковой тоже отбывал воинскую повинность в рядах СА и каковой, по обвинению в продаже налево армейского спирта был определен в штрафбат, то есть, фактически, на «кичу» (тюрьма). Ценность для рок-клубовской деятельности такого антигосударственного элемента не подлежала никакому сомнению.

Это стало ясно сразу.

Вот, где тюменские кгбешники, в очередной раз, проморгали. Если бы им удалось спровести куда-нибудь еще и меня, тогда – все, Тюменскому рок-клубу, такому каким он был создан нами, наступил бы окончательный и бесповоротный конец.

Но не тут-то было. Оставшийся в Тюмени, один из отцов-основателей оказался недобрым, и, наоборот, сильнейшим образом рассерженным, и готовым к затяжной борьбе.

Да, господа Тюменские кгбешники, отравили вас ядом либерализма Горбачевы и Яковлевы. Нечего было либеральничать! Противника следует добивать. Политика полумер никогда не приводит к окончательной победе. Напрасно учил вас Владимир Высоцкий:

«Ты ж советский, ты же чистый, как
кристалл
Начал делать, так уж делай, чтоб
не встал!...»

(из популярной советской песенки)

И это надо было делать вовремя. А момент был безвозвратно упущен.

Всю зиму велась переписка и печатались Информационные листки, то есть те же листовки. И вот к весне 1987-го года снова возникли условия для возобновления активной рок-деятельности и мы снова ощутили в себе силы выйти на тюменские улицы.

А все ж таки, это была победа! Маленькая победа жалкой кучки студентов над несколькими одновременно институтами могущественного государства. Какие-то неведомые потусторонние силы встали на защиту маленькой «Повстанческой Армии им. Чака Берри». Мощные шестерни государственного механизма, еще недавно перемалывающие всякого, осмеливающегося оказать этой машине малейшее сопротивление, сработали вхолостую...

Конечно, печально, что нескольких активных членов рок-клуба удалось отправить в ряды советской армии. Но это уже не могло нанести деятельности рок-клуба непоправимого ущерба и не означало ликвидации клуба как сообщества единомышленников.

Последним всплеском репрессивных мер тюменских властей была акция по разгону одного из уличных мероприятий клубовцев весной 1987 года. Операцией руководил непосредственно тов. Классин. Событие это довольно подробно описано в самиздатовской литературе того времени. Этому происшествию отведено центральное место в материалах журнала «Сибирская язва», откуда я привожу документальное свидетельство и описание всего происшедшего.

Новости этой весны.

Часть 2 (май) – 87

М. Немиров

1.05. Тюмень. Спортсквер.

«Улицы – наши кисти, площади – наши палитры!» – кричал всю вторую половину апреля вернувшийся со своих Уренгоев идиот Мирон Немиров. Оно и понятно – на Уренгое на улицах особенно не поторчишь. Результат не замедлил появиться: 3 мая все учебные заведения Тюмени были завалены прокламациями в страшном количестве тридцати экземпляров, оповещавшие о том, что 1.05 в 12⁰⁰ в спортсквере социально-музыкальный формейшн ИНСТРУКЦИИ ПО ВЫЖИВАНИЮ* будет представлять народу примерную структуру своего нового альбома» Быстрая жизнь в городе Урюпинске во все времена года в условиях обострения классовой борьбы», к работе над которым она приступила. Песни, которые уже сделаны, должны были быть акустически спеты, т.е. которые готовы только наполовину или и того менее, их должен был прочесть идиот и трижды герой рок-н-ролла М. Немиров самолично.

Придя на место, ИНСТРУКЦИЯ обнаружила, что народу по объявлению пришло довольно много, но он какой-то странный. Уж шибко двухметровый и квадратный. Ну что ж, назвался груздем – полезай в кузов. Пелись и читались:

«Город Урюпинск», «Тинейджер», «Мы все в конце», «Где-бы, где-бы», «Имени крученых», «Весна», «Живой Немиров», «Девчонки», «Ленинградский рок-н-ролл», «Лето без денег», «Каждую ночь», «Осенняя влага» «Желание иметь много денег», «Военкомат», «Человек в тундре».

Играли: Саша, Валера, Аркаша – гитары, Ромыч – вокал, Джаггер-флейта + портфель, по которому он стучал. Как оно все было? Так себе – ИНСТРУКЦИЯ не акустическая команда и под гитару не звучит. Опять же двухметровые квадраты, видимо, оказывали на игроков нервное воздействие, поэтому игралось и пелось как-то вяло, особенно первая, панкообразная часть программы. Зато здорово прошли развеселые песни – «Весна», «Девчонки», «Немиров», и «Ленинградский рок-н-ролл».

Сразу после начала, квадраты стали приближаться и охватили Инструкцию таким кольцом. Реакция была на песни различной: одни откровенно скучали, ковыряли землю носком башмака и т.п., но не уходили: они были на работе. Другие внимательно слушали, пытались, видимо определить, под какую статью это подходит. А некоторые даже улыбались и притопывали в такт, время от времени морщась от мироновских матов, которые он написал в тексты. Помимо людей, которые пришли сюда работать, имелись и отдельные несчастные прохожие, которые смотрели на все это с глубоким сомнением. Помимо того, были, конечно, фаны, которые, впрочем, не слишком вяло-торчали все-таки было. Добродушного вида – но тоже двухметровый человек, сидевший на скамейке, навинтил на фотоаппарат огромный объектив и принялся все это дело увековечивать. Доверчивая Инструкция, падкая на славу, восприняла это как выражение одобрения, и Аркаша, подстрекаемый безответственным фаном, время от времени поворачивался к человеку и улыбался кривыми зубами. Зря он это делал, не будут его фотографии висеть над кроватью мирного любителя рок-музыки: как вскорости выяснилось человек, который снимал, тоже был на работе. После случилось вот что:

Мирон снял с Варелы роскошную буржуйскую шляпу и пошел по кругу. Подавали вяло, но 14 руб. 26 коп. он собрал. После чего ведомый под руку неизвестный широкоплечим чело-

веком в штатском пошел в неизвестном направлении. Растерянная ИНСТРУКЦИЯ двинулась было за НИМИ вслед, но профессионально поставленный вопль «Стоять!» прекратил это ДЕЛО. Началась беседа. Человек в штатском, который был здесь на работе, тов. Петряев, как выяснилось из удостоверения, которое его было попрошено-таки предъявить, выражал недоумение. Поют, понимаешь ли. Одеты не по уставу. Тяжело ему это было, и в этом он решил ИНСТРУКЦИИ исповедоваться. Выслушав исповедь, ИНСТРУКЦИЯ все же двинула узнавать судьбу Мирона. Куда? Ну, братцы, не первый же раз замужем, в КГБ, конечно.

Придя на площадь, ИНСТРУКЦИЯ попыталась попасть во внутрь большого здания на углу. В ответ на такое бесстыдство ей было предложено быть посаженными в тюрьму для выяснения личности всех, у кого нет при себе паспорта. Мы свободные люди в свободном мире, т.е. в стране!» – пробовали возмущаться форманты». – «У нас не осадное положение, комендантского час нет, паспорта с собой поэтому кто ж носит-то?» – роптали они. «Ты шас эту погремущку свою проглотишь», – услышали они ответ /Маракас, который Ромыч держал в руке, имелся ввиду/. Однако вскоре Мирон появился наружу, живой, не битый, и даже веселый, и что с ним там было, пускай расскажет он сам.

Мирон:

– Ну значит, взял я шляпу и пошел, ну, подхожу к народу, который сидит на скамейке, нет, говорят, художественный уровень у вас низкий, – отвечают они. Тут подходит молодой человек в куртке, вынимает бумажник, вынимает из бумажника пять рублей, – пожалуйста!

Я был ошарашен. Ну-у-у, говорю... Тут ко мне подходит сбоку второй молодой человек и радостно сообщает: «А вот теперь вы нарушили закон. Проедете! Что мне делать? Я пошел.

И идем мы, и я думаю: «жжеж Герой рок-н-ролла, так твою мать. А на самом деле безропотно идет как баран на заклание. Убечь?»

Убечь – это здорово, это герой рок-н-ролла в самом деле, но ведь не убежишь. И картина будет – герой рок-н-ролла, бегущий от милиции. А мимо едет черная «Волга» и товарищ делает ей знаки. «Ну вот – думаю – завезут сейчас куда-нибудь на черт знает куда на Белинского, будут там в бетонной клетке /«боксе»/ держать черт знает сколько, мурыжить, потом оттуда пешком переться через весь город ночью, – тоска-а-а! Кстати, вы замечали, что все отделения милиции всегда находятся черт знает где на отшибе. Куда трамвай не ходит и такси не возят, где пыль, бурьян да лопухи и под серым небом длинные серые заборы? Почему так, у вас есть теория? У меня есть и даже несколько.

«А». Для улучшения процента. Чтобы человеку нужно было семь раз отмерить, прежде чем решиться убить полдня на то, чтобы пойти заявить если ему, допустим, побили морду неизвестные гопники.

«Б». Для того чтобы как можно меньше народу знало, что там у них делается.

«В». Нет, тут я лучше прикушу язык. Молод я ещё.

Но тут мы сворачиваем на площадь, и я вижу, что ведут меня на угол Водопроводной и Урицкого. Ну, это уже легче. Это все-таки цивилизация.

Ну что? Провел меня товарищ в кабинет. Представился. Классов – его фамилия. Вынул «Уголовный кодекс». Дал прочесть статью 209-ю, часть вторую – «попрошайничество». От года до двух.

– Так против чего вы протестовали? – поинтересовался товарищ Классов. Что я мог сказать ему? Что петь мы любим? Что я стихоплет, и хочу стихи свои народу прочесть, чтоб узнать его о них мнение? Не поверил бы он мне, ой не поверил... Хватай все, что шевелится! Больше трех не собираться?! – Нешто есть такой закон, чтоб народу песни петь! Писано про это Антоном Палычем Чеховым, а толку-то. Грустно мне там было.

– Ну вот, смотрите, – попробовал я все-таки.. Вот город Тюмень. Грязный он, небо здесь серое, дома серые, люди унылые, не живут, а спят и не видят снов, а если и видят, так только те, что по телевизору. И что они счастливы? Ни фига они не счастливы, нудно им, только ж они

думают, что такая уж у них планида, никак против этого не попрешь. Это у всяких Бельмондов – Сенкевичей жизнь интересная и с чудесами, а нам так и положено – покорно сереть под серым небом в грязном городе. Ну, а мы хотим чтобы было хоть немного веселее! Ну и поем поэтому. А вы нас хватаете. Чтобы как бы чего не вышло! Чтоб тишь да покой?

– Кто Вас хватает? – не согласился товарищ, милиционер. – Вы целый час пели, никто вас не трогал. Ваши ребята и сейчас там поют. А вас я задержал за нарушение закона. И будете вы отвечать по всей его строгости.

– Но это расправа! – пробовал возмущаться я. – Это расправа с человеком всего за то, что он пишет стихи. Товарищ начальник стихов не читает, значит – никому не писать! Вот если бы товарищ начальник писал сам стихи, тогда другое дело, тогда ну-ка всем стихи писать!

– Ну, вы из себя страдальца не изображайте! Страдальцем вы не будете. Будете вы обыкновенным уголовником по статье 209-й. Закон – это закон!

Тут раздался телефонный звонок. Судя по тону и по интонации, на том конце провода сидел большой начальник, и он был в ярости.

– Почему одного забрал? Почему остальных не забрал? – несло из трубки гневное. – Их там двадцать человек было, всех брать было нужно! Почему по улице пешком вел? Почему не на машине? Люди же смотрели! Милиционер, забравший меня, держался, нужно признать, с достоинством:

– Я вам объясню, почему, но не по телефону, – отвечал он, нервно косясь на меня.

– Ну дождешься ты у меня! – раздалось из трубки, а потом гудки.

А мне стало совсем дурно. Милиционер был умен. В самом деле – как это интересно, представлял товарищ Большой начальник забратие всех? Подогнать машину и на глазах всего города, в самом его центре, в праздничный день крутить два десятка человек и запихивать их в машину? А поскольку сами бы они не скрутились, т. на глазах всего города бить, тащить по асфальту лицом и т.п.? И что бы, интересно, за обвинение товарищ Большой Начальник им бы потом предъявил? Что песни пели? Другое дело – товарищ Классин. Все очень логично: пока вы пели, мы вас не трогали, но вы нарушили закон – получи, чтоб другим неповадно было. И в самом деле, – посадят, чтоб другим петь неповадно было. И замаячила перед глазами моими тюрьма. И стало мне совсем печально.

Милиционер взялся писать рапорт, для начала он задал мне официальный вопрос: как я намерен трактовать свое поведение. Я спросил, Можно ли курить. «Да, пожалуйста. Вы – задержанный, а у нас задержанным предоставляется все необходимое: курево, трехразовое питание, помещение для ночлега. Но все-таки как вы объясните свое антиобщественное поведение?»

– А я, – говорю, – не попрошайничал. Мы просто пытались возродить традиции менестрелей с трубадурами – уличных певцов всяких. Ну я и вот – для поддержания образа. Но я не вымогал ни у кого денег. Я подходил только к своим, там только наши должны были быть люди – те, кого мы сами пригласили. А если там затесался ваш человек – то это просто провокация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.